

О поэзии Светланы Сырневой

Скажу честно. Современную женскую поэзию я не люблю. Кроме стихов Светланы Сырневой, Натальи Егоровой, Татьяны Грибановой и ещё пары-тройки проницательных и ярких поэтесс. Хотя известных имён, принадлежащих к классической школе, в России значительно больше. Та-

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ

Посреди миров

ланты их не отрицаю. Но вот в гениальности могу “упрекнуть” только Светлану Сырневу. Лично с нею я не знаком, хотя живём в соседних регионах и вполне могли бы познакомиться на ежегодной Поэтической эстафете в Сыктывкаре. Думаю, хорошо, что не знаком. А то пришлось бы все красивые слова сказать в личной беседе. Что, согласитесь, лишает диалог непосредственности, полной объективности и зачастую подталкивает к прижившейся в литературной среде недоброй крыповской традиции. Уважающим себя поэтам лучше всё-таки разговаривать на расстоянии. Без шумных застолий и взаимных здравниц. Тем более, сегодня столько пластмасс и гаджетов нахально пытается прилипнуть к той ментальной сущности, которая несмотря ни на что, всё же остаётся Поэзией. Только она никогда не состояла из химических формул и слабо подчиняется физическим законам, которые в последнее время всё чаще опровергают сами же учёные. Ибо она исходит из души автора и стучится в эфирное пространство в иные, уже читательские, души. Она, как мне кажется, и есть метафизическая РОДИНА. Не с флагами, гимнами и парадными. А деревянная, чаще одностаянная. Певучая по праздникам и сыплющая золотые словечки по будням. Нужная сегодня лишь национальным поэтам, вышедшим из изб и хат, да жителям последних русских деревень и всё ещё уютных маленьких городков. Закрый их, обезлюдь, и на исконную Россию можно вешать огромный амбарный замок. А это конец русской истории. Апокалипсис, прости Господи!

Может быть, я и не написал бы этих возвышенных и грустных слов, но моментально сесть за клавиатуру заставила новая подборка Светланы Сырневой “Посреди миров”, недавно вышедшая в прочно ставшем на ноги саратовском журнале “Волга – XXI век”. В таких случаях пишут о глотке свежего воздуха. Только здесь не глоток, а целый озоновый океан, который вызывают к бытию стихи поэтессы. Сотканые из осязаемой материи, настолько ясной и простой, что чувствуешь в них пульсирующую жизнь, на мистическом уровне близкую к белковой. Теперь верю, что славянские волхвы своими заговорами могли влиять на погоду. А поэт, пусть даже православный до мозга костей, чем не волхв, коли он может своим творчеством изменить атмосферу в целом Отечестве. Только бы оно помогло с тиражной публикацией. Да и вообще на настоящую поэзию обратило внимание.

На первый взгляд, стихи Сырневой обычные по тематике. Провинциальный городки и сёла с неприхотливым (эпитет из одного из стихотворений) народом. Старинные друзья. Сплетённые чистых церковных голосов. Многострадальный странник водитель. И даже застывший, словно вынырнувший из хронометража, ямщик у кибитки. Меня лично такое соседство не поражает. В древнем Вятском краю, где обитает Светлана Сырнева, вполне мирно уживаются и в наши дни все русские века. Ничто не исчезает бесследно. Всё аукнется. Особенно в народной поэзии. А уж в творчестве гениального поэта, её как бы обобщающего, всенепременно. Тут живёт родня самой поэтессы и, собственно, всего русского народа. Вот почему в любом уголке огромной страны нам чудятся родные лица и дома. Недаром одно из стихотворений подборки так и называется – “Родня”.

Не город детства моего,
а лишь его родня.
И без претензий на родство
мы жили здесь три дня.
Стоял короткий летний срок,
базар тонул в пыли.
Мы город вдовь и поперёк
три раза обошли.

И было слабо оттого
глазеть по сторонам,
что не должны мы ничего
и он не должен нам.

Разве многим из нас не приходилось вот так, вроде бы бесцельно, бродить по малознакомым русским городкам, не богатым и в тоже время одновременно приветливым и настроженным, и вслед за Светланой Сырневой повторять её главный философский вопрос: “Назад идём или вперёд?”. Уже в другом стихо-

творении – “Друзьям” она самой себе решительно ответит:

Жизнь не покатится назад:
Мы все теперь друг другу ровень:
и каждый в чём-то виноват,
и каждый в целом невиновен.

В чём же суть таланта Светланы Сырневой? Разбирать по филологическим косточкам её творения бесполезно. Там есть пушкинский привкус в строках “клеповый свой убор”. Пахнет почти перматовским походным кочующим дымом. На лирическую сцену вполне в

духе Михаила Юрьевича являются ярмарки с пеньем и свистом. Вьётся чуть ли не есенинский дремлющий туман. Это не заимствования у классиков. Скорее, ассоциации. Генетическая литературная память. В любом настоящем шедевре есть группы “генов”, кровно связанных со всем первым рядом националь-

ной поэзии. Начиная со “Слова о полку Игореве. Они и дают ростки творческой эволюции, присущие только конкретному автору. Недаром тут же чисто сырневские наивные незабудки среди рам. Или вот ещё пару цитат: “Бродил и варился тягучий настой, сцепляющий кровли и ветки”. И “Лишь под ногами лежит континент сумрачно и неподвижно”. Наивные незабудки – да это же про всех нас, будто попавших уже не в некогда популярную среди радикалов телепередачу “За стеклом”, а в какую-то жизненную фантазмагорию.

Словом, классика Сырневой начинается в девятнадцатом и двадцатом веке и продолжается в полуvirtуальном двадцать первом. Попытаюсь говорить о мироощущениях от прочтения стихов лучше, как читают многие исследователи её творчества, современной поэзии поэтессы. Почему-то критики всё чаще шарахаются от чувств авторов и забывают рецензии нагромождением сомнительных терминов. Те по академическим канонам правильны, но ни на йоту не добавляют понимания исследуемого поэта. Царствует наукообразный антураж, а не истинная картина мира поэта или иного автора. У Светланы Сырневой она напоминает и русскую провинцию, и картины Михаила Нестерова, Ивана Шишкина, её земляка Виктора Васнецова и чуточку Исаака Левитана. Утверждаю не потому, что ссылуюсь на известные полотна, а вспоминаю, например, остававшийся под утренниками сосновый осенний бор под брянской Великой Топалью, где, пожалуй, самый знаменитый русский пейзажист одно время писал свои “медвежьи” этюды. “Какая боль! Какая грусть! Какое долгое прощанье!”. Эти строки Светланы Анатольевны были бы и в тех местах весьма кстати. Ведь речь идёт о национальном поэте. Да и у меня Сырневых подхихли!

Она не такой лирик, чтобы её стихи подобострастно обставляли лингвистическим частотолом. Сколько, скажете, раз мы проридались сквозь восприятие ю полные детских тайн душевные малинки и густую крапиву, в каких Рубцов когда-то подсмотрел один из своих шедевров. В таких случаях многие по-своему тоже были поэтами. Даже в душе пытались запомнить какие-то слова, но те исчезали, таяли как туман у утренней реки. Оставался на душе лишь малиновый звон. Потом, конечно, впечатления превращались в пословицы, поговорки, прибаутки, частушки. Очень густо перемешанные со школьными программами по литературе. У Сырневой, кстати, в своё время учителя-словесника, они вылились в современные образцы поэзии. Я специально не говорю – женской. Истинная русская лирика всегда женственна в своей основе. Даже самая брутальная. Может потому, что Россия, а значит и её Поэзия, находится под Покровом Богородицы.

В городе наблюдения, конечно, тоже кристаллизуются. Только очень уж технично и в университетском духе. Как учил нас нормам русского языка незабвенный академик Розенталь. Вот почему Сырневой – поэту из Кирова, родившемуся в учительской семье в деревне с выжившим в годы повальной интернационализации названием Русско-Тимкино, надо было обязательно поехать в

К Р И Т И К А

ближний вятский городок, чтобы не фальшивая вновь заговорить на языке детства. Только уже более умудрённым сыном ошибок трудных. Собственным лицемерием событий, особенно далёкой глубинки, ни в одном томе с золотым обзором не вычитаешь. Разве что в Книге своей судьбы.

Сырневой претит любая книжность, ставшая для городской интеллигентской поэзии своеобразным катехизисом. Светлана Анатольевна не стремится блеснуть эрудицией. Разве что вспомнит между делом Одиссея. Так про него любящая деревенская бабка слышала. Хотя бы на уровне быличек, гуляющих за завалинками. Словом, поэт Сырнева вышла из народа и пишет для народа, а не для литературной тусовки. Как Сергей Есенин или Николай Рубцов, живший, правда, в иное время с Сырневой почти на одной и той же параллели. Или, судя по подборке, как её любимая Марина Цветаева, вспоминая которую в Тарусе, поэтесса мечтает: “Зелёным кустом прирасти на горе, где маленький домик

поэта”. Ещё в середине прошлого века лучшая русская поэзия стала развиваться именно на Севере и в предгорьях Урала. Сейчас, правда, она возвращается и в среднюю полосу, осеняя своим вдохновением олповские, курские, воронежские и липецкие города и веси. Светлана Сырнева в той или иной степени принадлежит к разным традиционным школам. В том числе и к рубцовой. С именитыми поэтессами прошлого Светлану Анатольевну трудно сравнить. Хотя бы с той же излившей “раскашенной” Цветаевой или с пронзительно-холодной Анной Ахматовой. Та же могучая сила, но более, если позволите, русифицированная. Сырнева теплее и пронзительнее. Я уж не говорю о её ненавязчивой образной фило-софичности:

Чтоб подробностей не знала
лёгкая душа,
чтоб ответа не просила,
не искала кров,
а сама собой парила
посреди миров.

Самый главный мир для Светланы Сырневой – русский. На физическом да и на духовном уровне разорванный на куски. Есть силы, которые его, заколдовав, хотели бы превратить сначала в алуго голгофскую свитку, чьи отрубленные рукава назло крошащимся в славянские окна свиньям всё же ползут друг к другу, а затем в смертельный саван. Их надо бы по православным правилам сбрызнуть святой водой, а чаще сбрызгивают кровью тех, кто ту свитку, ещё не кровавого цвета, когда-то носил.

Пора кончать разброд в восточнославянской истории. Недаром рядом с идиллическим полусном сырневских уездных городков сгустились мрачные пейзажи, но одновременно и пробуждаются весна. Вроде природная. На самом деле историческая. Я не нашёл в подборке картин гнева. Этаких русских Помпей. Поэт никому не угрожает. Она спокойно, по-женски пророчествует. Ясно указывает, что на первое место в духовной жизни России должны выйти Церковь и Поэзия, в полной мере возносящиеся “Посреди миров”. Не о нашем ли времени незабвенный Николай Васильевич столь мощно и пророчески писал в своём знаменитом отрывке про птицу-тройку, давшую Есенину, по признанию самого же лирика, толчок для одного из самых гениальных его стихотворений. Вот и в стихах Светланы Анатольевны тройка мелькает. Её не подгоняют, а она бежит. Куда? Не даёт Русь ответа вместе со всей авторской и нашей роднёй: Русь, такова ты в глубинах снегов, в горестной доле отцово!

Вьётся река между двух берегов
лентой тяжёлой, свинцовой.

И не дай Бог, свинец сей не образный, а самый настоящий. С военных заводов. В самом начале рецензии я искренне заявил, что не люблю женскую поэзию. Я имел в виду плохую, произнанную кликушеством и набором псевдопатристических штампов, расцвеченных ссылками на разных там богатырей и ясных чихлиных дев. Поскольку ничего подобного в творчестве Светланы Сырневой не существует, то почему бы и не полюбить её стихи, полные спокойной и не придуманной русскости.

На снимке: две поэтессы – Светлана Сырнева и Надежда Мирошниченко (слева)

О романе Юрия Слащина “Во веки веков”

Роман петербургского писателя Юрия Слащина “Во веки веков” можно смело отнести к “деревенской” прозе, некогда будоражившей советское общество. Сейчас деревенщики отодвинуты на обочину и тихо забываются. Причин здесь, как мне кажется, две. Первая – утрачен общенародный, государственный интерес к российскому земледелию. Вторая – дела ныне в российской деревне так плохи, что, кажется, никому таланту не под силу написать о них что-либо свежее, вразумительное. И вдруг появляется автор, да ещё с претензией на какую-то вековую значимость, анонсируемый, как “первый концептуальный роман нашего времени”. Как тут пренебречь?..

Начальные же страницы показали, что традиции сохранены. Написан роман родниково чистым русским языком, так что хочется читать и читать, соперничая жизни героев. Она же у них – второе открытие: сразу дух захватывает и держит своим раздольем веселья и озорной удалой, самобытной открытости. А ещё и реальностью настоящих трагических страданий, заставляющих погружаться в мир героев, и проходить их путь до ощущения личного понимания концептуального, как заявил нам автор, взгляда на известные явления нашей истории: раскулачивание и принудительную коллективизацию.

Последствия этой ломки испытываются народом и сейчас. Не разобравшись в них, общество будет повторять старые ошибки. Потому, замечая, изначальное сокращение переходит в изучение жизни героев в тех, уникальных для всего мира, обстоятельствах. Они нам хрестоматийно знакомы, только... весьма односторонне.

В своё время Михаил Александрович Шолохов уже поднимал цепину новой крестьянской жизни, да, к сожалению, не имел возможности показать её во всей полноте. Метод социалистического реализма диктовал ему изображать “человека в развитии”, то есть таким, каким он, по мнению партии, должен быть, а не таким, каков он есть на самом деле. В те времена всё контролировалось. И обростало штампами оценки коллективизации, кулачества и всего прочего, касающегося крестьянской и колхозной жизни. Михаилу Александровичу Шолохову нужно было и в этом романе оставаться гением, чтобы, несмотря на подконтрольность, написать немало того, что заставило сжаться сердце читателя и открыть глаза на тот ужас, который несла с собой коллективизация.

Деревенщики семидесятых с болью вспоминали “кануны” и прощались “с Матерой”, не задавая вопросов о причинах происходящего. Им тоже было “нельзя”. А когда стало “можно”, то оказалось, что написанное “в стол” для лучших времён не так уж много, точнее, и вовсе ничего. И вот, наконец, появился первый роман. Что же в нём нового, кроме красивостей пера?

О книге Александра Ананичева “Лучшие слова в лучшем порядке”

Да, издана такая книга... став событием, на мой взгляд, всероссийского масштаба. Подобные труды о секретах творчества появлялись раз в столетия и в малом количестве стран.

“Учебник” для поэтов

Были в царской и советской России. И вот – вне ожиданий опубликована в нашей страдающей России. Кризис навалился на культуру так, что уже теряется надежда справиться с падеющим нравом, разгулом графомании и пиаром подставных авторитетов СММ. И в этой тьме вдруг появился луч света высшего творчества – в поэзии.

Название книги привлекательное: “Лучшие слова в лучшем порядке”. Содержание... Вот как определяет автор: “Предмет лирической поэзии – это то, о чём пишут веками, и то, о чём ещё никто и никем не было сказано. Любая эпоха – великая или гнилая – задаёт жизненный ритм, который улавливает чуткое око поэта. Сообразно этому ритму рождаются стихи”.

Такую сверхзадачу взял на себя автор Ананичев Александр Сергеевич из Сергиева Посада Московской области. Скромный молодой человек, автор 11 поэтических сборников и 50 книг для семейного чтения и детей. А ещё – лауреат множества всероссийских и международных конкурсов, фестивалей. Член Союза писателей РФ Московской области и в Сергиевом Посаде – руководить районного отделения: здесь своеобразный заповедник поэтического творчества, порождённый влиянием многих живших

Прежде всего, отобразилась другая сторона событий тех трагических лет. И сразу предстал во всей наготе вопиющий акт не просто уничтожения кулаков-мироедов, а крупномасштабного и хорошо организованного возврата крестьянства в крепостничество. Царь Александр Второй освободил крестьян от крепостного права, а большевики вновь закабалели. И, по сути, уничтожили крестьянство как сословие.

Вплоть до середины 70-х годов кол-

Другая “целина”

хозники не имели паспортов, а в пенсионном возрасте не получали, как все в СССР, пенсий. Так и ушли из жизни, изнасилованные и обманутые. А их дети и внуки, утратившие навыки самостоятельного хозяйствования на земле, превратили сельское хозяйство в “чёрную дыру” экономики страны. Поэтому даже сейчас, после перестройки, не взялись осваивать свои паевые наделы, как их деды во время НЭП. Земля заброшена, скаплются лопкачами про запас. Страна надолго, если не навсегда, утратила продовольственную безопасность.

Роман “Во веки веков” позволяет по-новому увидеть и почувствовать беды наших предков и ошибки правления страной, ставшие причиной бедствий нынешних поколений.

...Он отогрелся у печки, сел за стол и совсем по-домашнему задумался, подпер голову рукой, утопив кулак в белую, как тесто, щеку. Посидел так с минуту и стал говорить, уже не глядя на собеседника, а вроде как сам с собой:

– Секретаря Белецкого райкома забрали с повышением, а через месяц исключили из партии как бывшего троцкиста и... В Перволюцком райкоме из старых никого не осталось, а там первым Карпухо был, командир полка Чапаевской дивизии.

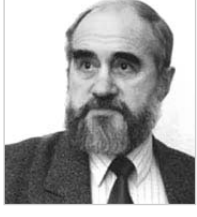
– Знаю Карпуху.

– Вычистили Карпуху. За то, что женат на польской дочке. А Рубцова сослали. В Оренбурге судили – и в Сибирь. Ромашова, комиссар был в третьем полку, забрали за связь с Углановым, секретарем Московского комитета. Протестовал он против линии Сталина.

Свиридов ещё долго перечислял, кого и за что вычистили, сняли с работы, сослали. Среди называемых было много знакомых Валдаева, их имена всплывали воспоминаний освещали те далекие боевые годочки, словно затем, чтобы ещё больше поразить нелепостью судившихся на этих людях ударов судьбы.

А потом наступил момент, когда он потерял способность поражаться и выражать недоумение тому, что происходит в стране. Конечно, он и раньше с многим знал или догадывался; с чем-то соглашался, а что-то считал правильным, памятуя, что революция продолжается, а коли рубят лес, то и щепки летят. Но сейчас, когда все эти разрозненные случаи построились

Свиридовым в шеренгу, стало видно, что порождены они силой одного лесоруба, крушившего лес ради щепок. И Гаврила Матвеевич растерялся. При каждой новой фразе Свиридова он беспомощно вскидывал глаза и тут же поворачивал их взгляд в себя, созерцая накап-

Иван САБИЛО

ливающуюся в душе кучу этой колкой щепы из разбитых судеб”. Есть в романе и своя “целина”. Помогая народу одолеть врага, дед Гаврила открывал властям “кулакские” секреты получения повышенных урожаев. Из тех, что крестьянами передавались от отца сыну, но исчезли из практики колхозного производства после массового раскулачивания. А были они немалыми, если в царские времена успешные хозяева платили налоги с “исполку”, т.е. с половины повышенного урожая, с трети и даже с четверти собранного. Средняя урожайность зерновых культур была тогда в России 8 центнеров с гектара. У кулаков – под 80, как свидетельствует автор.

Гаврила Матвеевич, ставший в годы войны председателем колхоза, засекает поля “по-кулакски”. И получает высокий урожай. Но в условиях партийного бюрократического правления его героизм и порыв помочь фронту, воевавшим на фронте сыновьям и внукам, навлекают на него новые беды...

Народные секреты повышенной урожайности тонко и сюжетно оправданно описаны в книге, так что читатели, помнящие свои крестьянские корни, могут по праву воспользоваться ими. В наше время, когда продовольствие стало главным ресурсом жизни, это истинно щедрый подарок писателя своим читателям.

Как выяснилось из наших бесед с автором, создавался роман более двадцати лет. Всё началось с изучения родовых корней: один дед – оренбургский казак, и это долго скрывалось в семье, так как он был расстрелян красными; другой – кулак, воевая бежавший в город. Всё услышанное от старших, увиденное цепким детским взглядом, а позже осознанное и раздуманное, послужило материалом для написания романа. Об издании, естественно, не помышлял, в силу понимания обстоятельств. В 1992 году в журнале “Звезда Востока” была опубликована первая часть романа. В силу непонимания происходящих в стране процессов, работа была прервана.

Убежден, что роман Юрия Слащина “Во веки веков” займет достойное место в современной русской литературе, он вполне достоин литературной премии “Большая книга”. Думаю, меня поддержат и читатели романа.

классиков.

Тезис книги своеобразен: “Поэзия старше прозы. Поэт напишет и расказку, и критическую статью. А вот прозаик написать хорошие стихи – почти невозможно”. Отсюда начинается решение поэтических задач творчества. И вот доводы автора: “Музыканту да-

ций, паёв и прочих форм собственности. Всё это имеет свою идеологию

и... диктует формирование им нужного “творчества”, подменяющее настоящее искусство произведением искусства рекламно-фальшивого, потребительского бизнеса.

Противостоять потоку графомании могут только настоящие творцы. Прозаики – талантом прозрения грядущего и осмысленной подготовки читателей к пониманию истин нашей жизни. Поэты – открытием у читателей вечной красоты и любви истинных чувств, заложенных Создателем в души каждого человека. Но сейчас души-то эти искорёжены идеалами нынешних властителей, не жалеющих средств на растление народа с помощью бизнес-культуры по всему циклу жизни – от рождения до смерти. Победать можно только открывшими талантом.

В этих условиях книга “Пучшие слова в лучшем порядке” в прямом смысле показывает поэтам этот “лучший порядок” для создания истинных творческих произведений, подтверждённый классиками поэзии. В книге достоверно показано, как усилить эти мгновения чувств, выделить главное и зафиксировать в стихотворении то, что позже будет вновь пережито читателями, формируя новое видение.

Понятно, что такое будет воздействовать долго... Как у Пушкина: “Я помню чудное мгновенье...”.

Отсюда следует вторая значимость книги – её нужность не только поэтам, но и прозаикам, драматургам и конечно же – читателям.

Юрий СЛАЩИН

О романе Владимира Шмелькова “Тайна сабаев”

Александр ТОКАРЕВ

Как жили далекие предки современных людей 30-40 тысяч лет назад? К сожалению, точно мы этого не знаем. И, наверное, никогда не узнаем. А жаль, ведь догосударственная история человечества в несколько раз превосходит по времени эпоху цивилизации, начавшуюся каких-то там... 5 тысяч лет назад.

Археологические находки дают скудное представление о временах, когда не существовало письменности. А наука пытается воссоздать историческую действительность тех далеких времён, используя метод аналогии: путём изучения жизни и деятельности народов, которые в XIX-XX веках находились на стадии первобытности. Но так ли всё было на самом деле в эпоху каменного века? Наука ответа не даёт. Зато фантазия писателя есть где развешивать.

Именно в эпоху среднего палеолита разворачивается действие романа “Тайна сабаев” астраханского писателя Владимира Шмелькова, как бы про-

должающего таким образом литературную традицию, идущую от Жозефа Рони-старшего или Джека Лондона, чьи произведения на тему жизни людей в первобытную эпоху были хорошо знакомы советскому читателю.

Конечно, книгу Шмелькова следует воспринимать не как попытку воссоздания картины исторической действительности, а как фантастику. Автор, действуя в пространственно-временных рамках описываемой им исторической эпохи, представляет читателю свою версию развития событий.

Главный герой книги молодой неандерталец Ллой живёт среди своих сородичей (автор называет их гуабонгами). В своём роду он является объектом насмешек, его даже не берут больше на охоту, а поручают лишь следить за огнём.

Ллой уходит от своих сородичей, чтобы встретиться с богиней-праматерью их рода медведицей Амэ, и попытаться её изменить его судьбу. Но вместо этого попадает к своим противникам – апшелокам из рода сабаев (волков) – людям разумным, предкам современных людей. Волею случая Ллой спасает девушку Улу из рода сабаев от гибели в смертельных объятиях

удавы (душеителя бо), а после демонстрирует свою смелость, прогнав маунта (пещерного медведя) – тотемного зверя гуабонгов. Взамен он получает не только спасение от расправы, но и уважение рода сабаев, в котором отныне начинается новая жизнь.

Герою предстоит пройти через мно-

жество испытаний и приключений, испытывать неведомые ранее чувства, прежде чем самому стать человеком. Наделённый, как и все неандерталец, большой физической силой, Ллой в честной борьбе с апшелоками из другого рода отвоёвывает себе женщину, которая вскоре рождает ему сына, успешно охотится на свирепых зверей, вступает в бой с бывшими сородичами в борьбе за свою новую семью. А главное, усваивает новые обычаи и моральные нормы, доселе ему неизвестные и непонятные.

Итак, автор допускает, что неандертальцы и люди разумные вполне могли жить не только в одно время, но и по соседству. На протяжении всего романа идёт противопоставление людей разумных гуабонгам. Автор намеренно и даже чересчур сильно подчёркивает животное начало в одних и человеческое в других.

ла столь развитая речь и столь высокие моральные принципы, как это описано в книге. Да и резкое моральное противопоставление неандертальцев и представителей Homo Sapiens имеет литературное обоснование, но едва ли историческое... Но надо вовремя вспомнить, что всё написанное – не

история, а фантастика, авторская версия исторической действительности, где реальные факты (вроде надвигающегося ледника, наскальной живописи, тотемизма или института экзогамии, по правилам которой живёт род сабаев) уступают порой место домыслу и вымыслу, что, однако, делает книгу только интересней.

Автор снабдил свою книгу словарём, в котором собран используемые им же в тексте слова. Мужчины и женщины, члены их семей, растения и животные, времена года имеют в романе собственное, несомненное наименование. Конечно, эти термины – плод вымысла писателя, но использование их в романе создаёт атмосферу правдоподобия описываемых событий. Надо отдать должное автору: используемые им термины по мере чтения книги очень легко усваиваются, запоминаются, а некоторые весьма оригинальны, например, упоминавшийся уже “душеитель бо” (удав), чуть было не удавшийся красавицу Улу, или многоногий ёр (паук), после укуса которого погибает молодая гуабонг.

Роман приключенческий, написан он так, чтобы современному читателю не было скучно, а хотелось быстрее перерывать одну страницу за другой, желая узнать, что будет дальше. Автор описывает многие аспекты жизнедеятельности людей эпохи первобыт-

ности. Охота и собирательство, изготовление орудий труда, начало процесса товарного обмена, семейно-брачные отношения, первобытное бортничество, обряд инициации юной – во всём этом принимая личное участие или является свидетелем того или иного процесса герой романа – неандерталец по происхождению, но уже человек по духу.

Автор не наполняет свой роман мистицизмом или научно-фантастическими деталями, хотя, такое искушение очень сильно даже у читателя, желающего поскорее узнать некую тайну сабаев, намеки на которую разбросаны по ходу всего действия книги. Но автор раскрывает тайну своих героев вполне реалистически, даже иронически, показывая, что тайна начинается там, где заканчивается человеческое знание. Да и настоящая, не мистическая тайна сабаев, рассуждает автор устами своего героя, заключается в их сплочённости и любви друг к другу.

В том ещё, хочется добавить, прочитав роман, что они – апшелоки, сабаи, люди разумные – преодолели черту, за которой следовала совсем иная, не похожая ни на одну развивавшуюся до той поры жизнь. Преодолели благодаря новым принципам общегития, позволившим виду Homo Sapiens развиваться дальше, а не стать ещё одной туловой ветвью эволюции.